

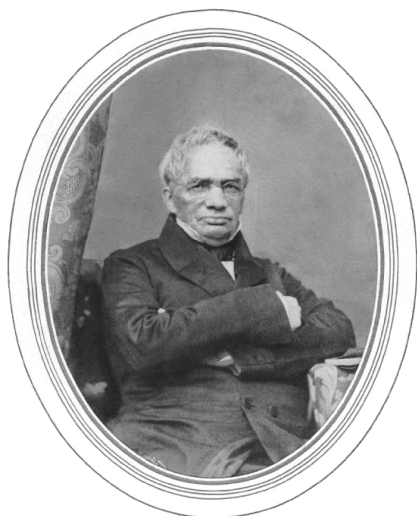

КОЛОНКА ЛИТЕРАТУРНОГО ШЕФ-РЕДАКТОРА

Вниманию читателей и авторов: настоящий выпуск выходит странным № 1—3, 2022, поскольку журнал первую половину 2022-го года находился на переучреждении — ввиду юридической ликвидации организации, являвшейся прежним учредителем. С настоящего выпуска журнал выходит ежеквартально, издается Тульским отделением Союза писателей России, в электронной форме публикуется на сайтах: <http://www.pz.tula.ru> и <http://www.tro-spr.ru>. В выпуске публикуются материалы, присланные до 01.01.2022 г.

ЖАЛУЕТ ЦАРЬ, ОСТАЛЬНЫЕ ПОСМЕИВАЮТСЯ: СЛЕД В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

К 235-летию со дня рождения видного русского литератора
и филолога Николая Ивановича Греча (1787—1867)

Портрет из Википедии®

...Несколько моих статей были отвергнуты ареопагом, отринуты французскими фразами и с насмешливыми взглядами на мой стереотипный наряд. Жестокое испытание! — Нет! сто раз лучше терпеть голод и стужу, нежели презрение людей, хотя б оно вовсе было незаслуженное! Впрочем я должен исключить из этого моих товарищей: они всегда сохраняли дружеское ко мне расположение, но не могли защитить меня от неизбежной судьбы бедности и несветского воспитания.

Н. И. Греч «Записки о моей жизни:
Воспоминания юности»

◆ Со школьных уроков литературы, относящихся к русской словесности первой половины XIX века, осталась память о странной фигуре Николая Ивановича Греча. Обычно в сочетании с Фаддеем Бенедиктовичем Булгариным (1789—1859). Причем первый родом из прусских немцев, другой из поляков. Но оба однозначно позиционировались как русские писатели и активные участники литературного процесса в России. Как раз происхождение их какого-либо акцентирования не требует: обрушившие немцы со времен Петра Первого играли видную роль во всех сферах русской жизни. Что уж здесь говорить о поляках — с последней трети XVIII века подданных Российской империи. Тем более, что после каждого из многочисленных восстаний

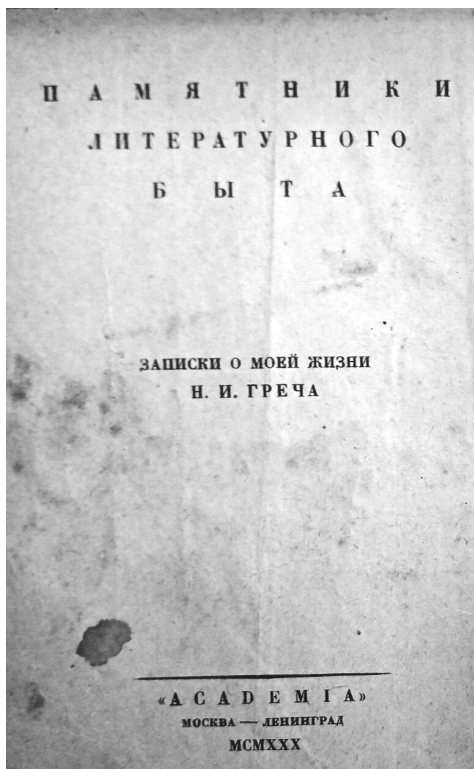
шляхты (народ, в массе своей, жизнь в империи вполне устраивала), дворяне частично отправлялись на поселение в Сибирь, другие расселялись по губернским городам и обеим столицам. Откройте любой роман девятнадцатого века, того же Достоевского и Лескова, и увидите среди персонажей «неизменных полячков» — чиновников и литераторов преимущественно. Даже польские ордена Станислава и Белого Орла были в 1831 году включены в число русских орденов... Но — вернемся к нашим школьным литературным урокам, из которых так следовало, что Греч (опять же с Булгариным) являлся в первой половине девятнадцатого века, но особенно в первой его трети, главным врагом и ненавистником передовой русской литературы, доносчиком и едва ли не тайным агентом III отделения графа Бенкендорфа. А комизму и дуумвирату Греча и Булгарина придавали вес известные строки из «Кукушки и Петуха» И. Крылова, в которых «не боясь греха, Кукушка хвалит Петуха», а «тот Кукушку хвалит». Вот что школьник выносил в памяти по части литературы о Николае Грече.

И хотя по прикидкам литературоведов возможное полное собрание сочинений Греча составило бы не менее двадцати объемистых томов, но даже специалисты помнят только две его книги: «Записки о моей жизни» и «Пространная русская грамматика» (см. иллюстрацию). Так получилось, как обычно говорят библиофилы, словно оправдываясь, что обе эти книги находятся «под рукой». На фотографии мы их и видим: изящный толстенький томик, в каком формате в 1920—30 гг. московско-ленинградское издательство «Academia» печатало свои книги — литературные памятники разных эпох и стран (см. иллюстрацию), — самая (и единственная!) известная в прошедшие полтора столетия книга Николая Греча «Записки о моей жизни» 1930 (МСМXXX) года издания в серии «Памятники литературного быта». Как этот экземпляр со штампом Бобруйской городской библиотеки им. А. С. Пушкина (по сохранности и чернилам штампа — именно 30-х годов) попал в Тулу, где и попался мне давненько на глаза в букинистическом магазине? — пути книг, как и их читателей, неисповедимы...

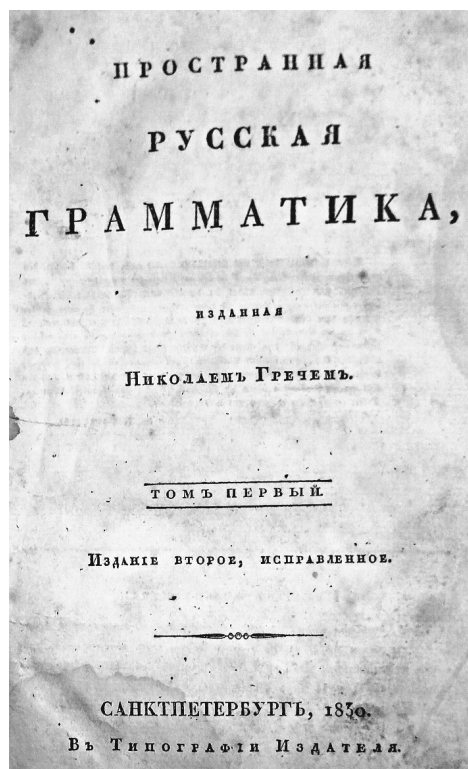

Книги Н. И. Греча (слева направо): «Пространная русская грамматика» и «Записки о моей жизни»

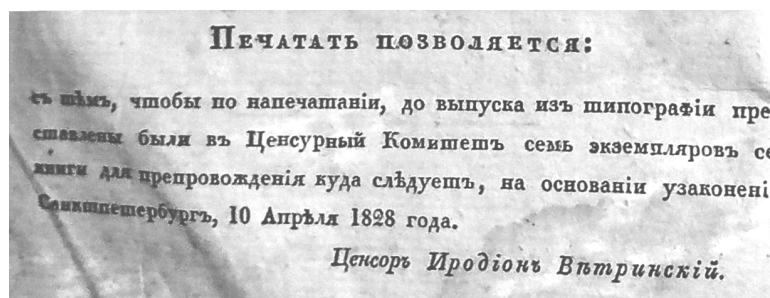
Если канонические в русской литературной мемуаристике воспоминания Е.Н. Водовозова «На заре жизни» (соврем. изд. 1987), А.В. Григоровича «Литературные воспоминания» и В.А. Панаева «Воспоминания» (тот же год соврем. изд.), Андрея Белого «Начало века» (1990...) относятся к литературному процессу России второй половины XIX века и началу века двадцатого, то «Записки» Греча единственны в своем роде: воспоминания активного очевидца о становлении русской литературы начала девятнадцатого века, но — об этом подробнее ниже.

Фронтиспис книги Н. И. Греча «Записки о моей жизни»

Титульный лист книги Н. И. Греча «Пространная русская грамматика» (первый том) — второе издание 1830-го года

Отметка на обороте титульного листа книги Н. И. Греча «Пространная русская грамматика» о цензурном разрешении на печатание

...Еще более интересен «путь» «Пространной русской грамматики» — в истории этой книги всего два издания 1827 и 1830 (см. иллюстрацию) — второй том так и не был издан; см. также отметку на обороте титульного листа о цензурном разрешении на печатание: великолепный образец высокого канцелярского штиля!

Этот экземпляр книги, которому немного не хватает до двухсотлетия, в полукожанном (полиграфический термин), с золотым, совершенно не потускневшим! виньеточным тиснением названия на торце, напечатанный на белейшей, без намека на «двухвековую желтизну», бумаге с водяными знаками (технологическая сетка и год производства бумаги «1827») на знакомом мною пути связан с селом Порецким — оно на берегу Суры — в Чувашии. Порецкое — старинное русское село с многовековой историей, со времен послезолотоордынского вхождения поволжских финно-угорских и тюркских (те же чувашаи, но впоследствии принявшие православие) народов в состав Руси. Торговое село на судоходной Суре, водный путь из Пензы в Нижний Новгород.

Население большого, раскинувшегося на нескольких холмах высокого, то есть западного, берега Суры, села значительно увеличилось в Первую мировую войну (тогда ее именовали Отечественной, в советское время — Империалистической, что намного справедливее...) за счет переселенцев из Западной Белоруссии. Сочтем необходимым дать пояснение. Каждый знает, а старшие поколения по рассказам своих родителей и дедов — очевидцев и участников знакомы, о коллективном подвиге советского народа — эвакуации на Восток промышленности с оккупируемых противником территорий. Менее известно, что эвакуация происходила не стихийно, но по разработанному до войны генштабом и совнаркомом планам. В свою очередь, они использовали опыт подобной эвакуации в годы Первой мировой войны: с территорий Польши, Прибалтики, западных частей Украины и Белоруссии, с которых русская армия отступала перед натиском германских войск (на австрийском фронте таких территорий не имелось, наоборот, был Брусиловский прорыв на Венгерскую равнину...), эвакуировались не только предприятия, вузы*, продовольственные и промышленные товары и материалы, но и в массовом порядке перемещалось в глубь России население (в Великую Отечественную войну массовую эвакуацию населения осуществить не удалось по объективным причинам).

В литературном отображении эта эвакуация — на примере латышей — основательно и развернуто показана в романах классика латышской советской литературы Вилиса Лациса, в пятидесятые годы Председателя Президиума Верховного Совета Латвийской ССР.

...Вот и в Порецкое прибыли вынужденные переселенцы из Западной Белоруссии, из Белостока и других городов, сел и деревень. Прибыли, прижились, там и остались. Словом, потомок этих переселенцев и подарил мне этот экземпляр «Пространной русской грамматики», пояснив, что он, наряду с несколькими другими книгами восемнадцатого и девятнадцатого веков издания, достался ему от своей бабушки, учительницы из Порецкого. А ей, в свою очередь, сразу после революции и Гражданской войны, книги эти принесли ученики: по соседству народ «приватизировал» помещичью усадьбу. По словам моего дарителя, многие из этих любовно переплетенных в кожу и шелк книг имели надпись на форзаце: «Из книг Якова Ульянова», по всей видимости, владельца усадьбы в годы указанных изданий. Не исключаю, что это был один из дальних — по времени и линии — родственников симбирских Ульяновых: по отцовской линии Владимир Ильич из тех же мест.

...На этом завершим усладу библиофила: литературно-историко-краеведческие изыскания, и вернемся к неоднозначной фигуре Николая Греча.

◆ На безрыбье и рак рыба — эта пословица в данном случае не к месту, если со-

---

* Так Варшавский университет был вывезен (оборудование, профессура, студенты) в Ростов-на-Дону, а Варшавский же политехнический институт в Новочеркасск. Там они и остались — в преемственности состава — до настоящего времени.

слаться на отсутствие в 2022 году круглых дат русской литературы, в отличии, например, от года предыдущего: 200-летия Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова и другие юбилейные даты. Да и Николай Иванович Греч, как бы его не затушевывали в тех же школьных программах, вовсе не в статусе ракообразного на фоне зоологического ряда рыб... хотя бы сейчас рыба полностью исчезла из нашего пищевого рациона. Это к слову, но прекращение пополнения организма фосфором имеет далеко идущие последствия.

Говоря без обиняков, 235-летие со дня рождения Греча, приходящееся на этот год, есть просто извинительный предлог обратиться к такому своеобразному и такому напрочь забытому представителю русской словесности, а тем более русского литературного процесса первой половины XIX века как Николай Греч. О забытости, вне всякого сомнения, свидетельствует практическое отсутствие в последние полтора века переизданий его сочинений. Те же «Записки о моей жизни», кроме указанного выше издания 1930-го года, публиковались в начале двухтысячных годов в одном из московских издательств. И только; другие художественные, филологические, публицистические произведения (повторимся: на двадцать томов их набегает) в эти полтора века не переиздавались. Так и остались в сладостном для библиофилов качестве прижизненных изданий... да, еще А. С. Суворин, «издатель всея России», выпустил в 1886 году те же «Записки о моей жизни». Теперь уж точно «и только».

Что-то из книг Н. И. Греча размещено в интернете на сайте <русской> классической литературы, но кто же будет читать его там? Разве что курсовые работы украшать «цитатами из Греча» придет в голову иному студенту-отличнику (остальные отыскивают готовые рефераты...) журфака или филфака? А из лекций по русской литературе девятнадцатого века в Литературном институте касательно Греча помню только горьковатую, но провидческую шутку, что, мол, в следующем веке (то есть в нынешнем двадцать первом) те же Карел Чапек и *наш* Николай Греч останутся в исторической памяти лишь как изобретатели слов «робот» и «паровоз», соответственно. Что и сбылось с точностью до промилле (это не по части гаишников...).

Но в первой трети девятнадцатого века, когда собственно только и складывался русский литературный базис, словесность становилась общественным, социальным явлением, имя Греча, как писателя, значилось в самом первом ряду. Взгляните на известную виньетку (то есть рисунок) Александра Брюллова (1798—1877; брат Карла Брюллова), на которой изображены члены «Арзамаса», с которым неразрывно связано творчество Пушкина (см. *иллюстрацию*). Именно с «Арзамаса» и начался тот период великой русской литературы, что по праву называется феноменом словесности. И Николай Греч в этом собрании первородных талантов пера далеко не из последних.

Судьбе с ее исторической насмешкой вольно было распорядиться, чтобы двое из изображенных здесь литераторов стали предметом насмешек как в девятнадцатом, так и в двадцатом веках (наш век — «а нынешние нут-ка») — это Николай Иванович Греч и Дмитрий Иванович Хвостов (1757—1835), самый близкий друг нашего великого полководца А. В. Суворова*, его родственник — муж родной его племянницы, княжны Аграфены Ивановны Горчаковой, граф Сардинского королевства (по протекции А. В. Суворова), действительный тайный советник (чин II класса Табели о рангах!), член Синода и Сената, но более всего Хвостов полагал себя поэтом. И был несомненным дарованием, но поскольку избрал архаичную к тому времени ложно-классическую манеру стихосложения, то являлся предметом общих насмешек. Особенно язвили в его адрес Державин и Пушкин. Опять же Дмитрий Иванович — постоянный персонаж литературных анекдотов первой трети XIX века... было на Руси время, когда предметом нескрываемых насмешек и анекдотов являлся носитель выс-

---

* А. В. Суворов. Письма / Издание подготовил В. С. Лопатин. — М.: Наука, 1986. — 808 с. (Серия «Литературные памятники»). Из 700 помещенных в книге писем А. С. Суворова наиболее частыми адресатами являются Потемкин и Хвостов...

шего в империи чиновного звания! (чины I класса, то есть канцлера, в девятнадцатом веке почему-то не практиковались...). Да и Греч ненамного от Хвостова в чинах отстал: тайный советник — III класс Табели!

Виньетка А. Брюллова из сб. «Новоселье». (Слева направо: Жуковский, Воейков, Греч, Крылов, Смирдин, Хвостов, Пушкин, Вяземский; речь произносит Николай Греч)

Мы к тому в параллель ставим Греча и Хвостова, непреременных участников «Арзамаса», что специфика начального складывания любого социумного сообщества, в данном случае организованного литературного действия — определенная «идейная веротерпимость»: зачинателей всегда бывает мало, поэтому они шадят друг друга, не занимаются «выискиванием блох» (так у нас в Литинституте именовалась мелочная придирчивость). Но вот проходит пара десятков лет, сообщество литераторов расширилось, заняло общественные позиции... вот здесь-то и начинается «ты кто? — а ты сам кто?» И пути «арзамасцев» разошлись. Уже в 1843 году сатирик Н. И. Куликов пишет свою пародию «Братья журналисты», в которой Булгарин якобы рассказывает про Греча:

*Он в Петербурге всех стыдился
И путешествовать пустился;
Сюда статейки присылал,
В них русским льстил, чужих ругал,
Но тем не выиграл у трона,
Лишь за границую стяжал
Он имя русского шпиона...*

А собственно что здесь постыдного: ведь русский шпион в Европе, а не английский, скажем, в России? Разведчик для своей страны — благое дело. Никто ведь чуть позднее не упрекал Тургенева, по уверенному общественному мнению являвшегося резидентом русской *политической* (не шпик примитивный!) разведки в Западной Европе? Не только Пушкин писал эпиграммы на Хвостова, бывшего брата-арзамасца. Но все из той же компании на рисунке Александра Брюллова баснописец Крылов на века «обессмертил» басней «Кукушка и Петух» (см. иллюстрацию) имя своего друга

Иллюстрация к басне Крылова «Кукушка и Петух», изображающая Греча и Булгакина (Из сборника «Сто русских литераторов», т. II)

Николая Греча... А если окунуться в мемуарику литературного мира первой половины того века, то вряд ли обнаружим хотя бы одну «пару» из числа изображенных на рисунке, в составе которой не чередовались бы доброжелательство и противоположные им качества...

К указанному эффекту «начального складывания» добавим не менее существенное, вообще присущее литературному кругу, как говорится, всех времен и народов, свойство: не пересиливаемая никакой воспитанностью и образованностью, глубочайшей добродетельностью и высочайшими моральными качествами души, извинительной <всех и вся> гуманностью и пр. и пр. взаимная подозрительность. Таково свойство всех творческих натур, но особенно мощно, вплоть до гротеска, оно выражено в писательской среде (а у поэтов подозрительность перерастает в ненависть!). Если эти строки читает литератор — поморщится от такой нелюбезности, но согласится. Остальным же рекомендую обратиться к авторитету Ми-

хаила Афанасьевича Булгакова и перечитать «Мастера и Маргариту» — и именно те главы, в которых мастерски (извините за тавтологию) описываются эти «взаимные» отношения в среде литературного сообщества, из идейной разобщенности первой четверти двадцатого века, особенно в послереволюционной России, перешедшие в РАПП, а далее в полнейшей «целостности» и в горьковско-сталинский Союз писателей СССР. В последнем подкованная борьба «всех против всех» намного усилилась: стали награждать орденами, Сталинскими*, Государственными и Ленинскими премиями: возрос волчий денежный аппетит.

Во времена же активной литературной деятельности Николая Греча, то есть первой трети века, само писательство еще не декларировалось специальной профессией, когда на доходы от литературного творчества и существовал писатель, к предметам сугубо творческого взаимонедоброжелательства добавлялась и материальная база этого существования: наличие доходного имения у писателя из дворян-помещиков, успешность продвижения «по рангам Табели» у литераторов из чиновников. В то время остальные сословия к словесности еще не приблизились...

Таким образом, во многом специфика взаимоотношений в среде литераторов периода «Арзамаса» объяснялась, в сущности нашего рассмотрения, не столько особенностями Греча, как писателя, активного участника зарождающегося в России литературного движения — издателя журналов, публициста и достаточно успешного

* Опять же школьное объяснение, что при Хрущеве Сталинскую премию заменили Государственной, логически неверно. Сталинская премия являлась не государственной, а *личной* (частной, как бы сейчас сказали) — из личных гонораров за публикации Вождя. Кстати, в СССР только два вуза — ВПИ и Литинститут — являлись де-юре не государственными, поскольку оба входили в структуры общественных организаций: КПСС и Союза писателей СССР...

чиновника, сколько самой атмосферой тогдашней жизни в России на сломе 1825-го года: от либеральных надежд александровской эпохи к тридцатилетнему периоду царствования Николая Первого.

Еще заметим в существенном дополнении: взаимная недоброжелательность в среде литераторов первой трети XIX века являла собой характер частной «разминки», на смену которой пришло уже идейное противостояние 40—50-х годов, мощным стартом которой явилось противостояние Белинского и Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями»). Писарев и Добролюбов, Герцен... — это уже война перьев. «И дольше века длится бой».

♦ Вкратце окинем взглядом литературную, общественную и служебную жизнь Николая Греча — именно в подтверждении (всякому вольному воля — иной сочтет возможным и опровержение...) обозначенных выше доводов: от объективного к субъективному; в художественном творчестве логика доказательств зиждется на дедукции.

От почитания до равнодушия и забвения, так трансформируя «от великого до смешного», если не один шаг, но в литературной сфере достаточно скоро происходит. Так и с Николаем Ивановичем Гречем.

В 1810—20-х годах имя Греча во всех областях русской литературы значилось в первых ее разрядах. Еще далеко не всеми было знаемо творчество Пушкина, но образованные люди России, не только в столицах, читали с похвалой путевые заметки Греча о поездках в посленаполеоновскую Францию, а его журнал «Сын Отечества» более десяти лет, до начала 1820-х годов, являлся действительно признанным по новизне и содержанию заглавным в русской периодике. И два десятилетия Греч прочно и небезосновательно удерживал за собой и своим творчеством пьедестал нарождающейся в России массово читаемой литературы. Известный историк русской литературы Михаил Лонгинов (1823—75), автор основательного исследования «Новиков и московские мартинисты», писал: «*В то время Греча в Петербурге знали все от мала до велика... известность Греча, не только литературная, но и просто личная, была почти всеобщая*». Сохранилось множество других, подобных по характеру, отзывов о Грече годов его признания (Шредер, Делакура, Жихаров, Дашков, Дмитриев, арзамасец П. А. Вяземский и др.), но — ограничимся цитированием Лонгинова.

Издательскую деятельность Греч начал в 1807 году с очень либерального публицистического журнала «Гений времен», настолько «вольного», что скоро был закрыт цензурой. До Наполеонова нашествия Греч успел, правда, короткое время, издать «Журнал новейших путешествий» и «Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света». Сами названия говорят о широте просветительских и журналистских устремлениях молодого Греча. В те же годы он публикует и первые свои труды по русской грамматике. Итак, двадцатилетний Греч основательно заявил о себе как об издателе, писателе, филологе, публицисте. И тогда же был замечен и власть придержащими: подарок от Александра I за переводы. А появившийся у него меценат граф С. С. Уваров — будущий министр народного просвещения (его формула: православие, самодержавие и народность), бессменный президент Академии наук и, увы, ставший затем врачом Греча — благословил его на основание и издание своего собственного (предыдущие имели соредакторов) журнала «Сын Отечества», ставшего во главе русской литературной жизни. Державин и Карамзин, Жуковский и Батюшков, Гнедич, Вяземский, Василий Пушкин (Александр Пушкин еще лицейские стихи сочинял...) — основные авторы журнала. Такой популярностью журнал был обязан другому, просвещенному меценату Греча — Александру Николаевичу Оленину (1763—1843), директору Императорской публичной библиотеки, крестному отцу Греча в литературе.

...Оно и сейчас меценаты, правда редкие, играют весомую роль в литературном становлении писателя, но в первой половине XIX века, в продолжении традиции века

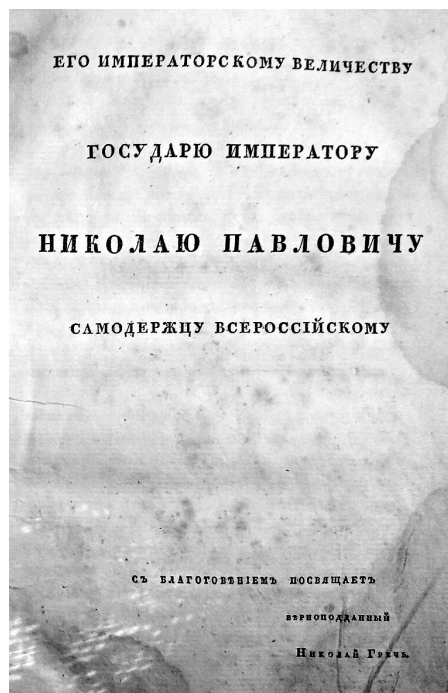
предыдущего, меценатство не то, что не полагалось таким кумовством, но приветствовалось в литературном мире. Оленин же покровительствовал талантливому юношу еще со школьного его обучения. И то, что в дальнейшем Греч изрядно поупражнялся над своим благодетелем в каламбурных издевках — опять же в духе того времени: наивного и неблагодарного, когда люди относительно рано взрослели: юность наивна и язвительна в отношении старости, ибо еще не поимела житейской мудрости. Опять же и других «арзамасцев» в таком качестве вспомнить можно, того же Пушкина...

Итак, к Отечественной войне 1812-го года Греч был на вершине литературной славы, а время это и иначе как блестящий эпохой «Сына Отечества» не называли в литературных и читательских кругах. По убеждениям — искренний и восторженный либерал александровской поры, близок к «Арзамасу» (см. иллюстрацию выше), а «Сын Отечества» щедро предоставлял свои страницы арзамасцам — почти что орган этого литературного сообщества. В переписке Вяземского, А. И. Тургенева, Карамзина, И. И. Дмитриева и многих других виднейших писателей той эпохи о Грече — только благожелательные отзывы: душа передового общества и сильный движитель русской словесности. Даже масонство Греча — ложа «Избранного Михаила» — это бонтон тогдашнего либерализма и передового мышления. В структуре этой ложи Греч принял самое активное участие в создании ланкастерских школ — практика передовой педагогики тех лет.

Словом, остановись Греч на достигнутом — и в советских школах имя его прославлялось бы наряду с Белинским, Добролюбовым с одной стороны, с наиболее видными арзамасцами с другой. Но вот эпоха александровского либерализма сменилась на разломе восстания декабристов казенным администрированием царствования Николая I. И Греч уже предвзывает свою книгу по грамматике русского языка следующими словами (см. иллюстрацию).

...Можно ли это полагать корыстным низкопоклонством? — Вряд ли, поскольку в начале царствования Николая Павловича, несмотря на декабрьские события его воцарения, казни и ссылки участников *вывода* войск на Сенатскую площадь (солдат ведь не наказывали: они команду отцов-командиров выполняли, путая присягу законному наследнику Константину с какой-то Конституцией!), многие полагали нового монарха благородным и откровенным. Вот и сейчас издаются книги навряд «Рыцаря самодержавия» (вроде как в серии ЖЗЛ) пера одного из бывших ректоров Литинститута...

Почему-то Александра Сергеевича за подобное же не упрекает литературоведение последних двухсот лет, только извинительно замечают: доверчив, мол, был Пушкин. Имеются в виду его стансы «Друзьям» (1828) с искренней похвалой Николаю Первому. И другие бывшие арзамасцы здесь отличились. Опять же и традиции предыдущего века еще не забылись: ведь мало кому придет в голову упрекать Ломоносова, Державина, тем более

Посвящение императору Николаю I на форзаце в книге Н. И. Греча «Пространная русская грамматика»

Тредиаковского и Сумарокова за его «Оду Е. И. В. всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской, в 25 день ноября 1743», Хераскова за «Россиаду» — за их многочисленные оды царствующим самодержцам? Ведь на Руси испокон веку неизживаемо: царь (как бы он не назывался) — отец родной, жалованную грамоту народу дал, да злые бояре-чиновники ее выкрали и в землю закопали...

И все тому же Пушкину, если по сути (не по сменяющимся «политическим веяниям» в литературоведении) разобраться, грех особый жаловаться на Николая Павловича: придворное звание камер-юнкера невысокое? Так проживи дольше, стал бы и камергером, как Тютчев, а может и гоф-маршалом. Да Пушкин и был честен — не злословил в тех же эпиграммах на Николая Первого (а вот об Александре I не сдерживал свое перо: «...Властитель слабый и лукавый над нами царствовал тогда... плешивый щеголь, враг труда...»), который относился к поэту благосклонно, понимая величие его таланта, в том числе для пользы России («Клеветникам России»). Один факт, что после гибели поэта царь выплатил тридцать тысяч долга Пушкина и позаботился о его семье, о многом говорит... чтобы там исторические сплетники не поддалкивали.

Еще более существенным следует полагать «личное цензорство» царя в отношении Пушкина. Здесь смешно опять же школьное утверждение, что этим Николай Первый «душил музу поэта». Совсем наоборот, он давал этим торную дорогу его творчеству, оберегая Пушкина, при его вспыльчивой натуре, от необдуманных слов и влияний хитроумных недругов. Опять же иметь «личным цензором» императора — это ли не признание исключительности творчества поэта?

...Верноподданность и Пушкина и Греча — это от искренности, ну-у, может и от первых впечатлений нового царствования. *Несомненно, это уважительность к конкретному человеку, хотя бы и царю, но не социальной и политической системе.* А это глубоко разные понятия. Еще раз вернемся к словам Наполеона, уже не трансформированным: от великого до смешного один шаг. Не следует уважительное отношение к царю (не к власти!) тех же Пушкина, Греча, да и многих других литераторов прошлого переносить на более утилитарные времена новейших эпох. От души, искренне смеяться хочется, когда берешь в руки книгу автора «губернского уровня», только и мечтающего о звании почетного горожанина (чтобы быть погребенным на почетной аллее городского погоста что ли?), где в предисловии или отдельной колонкой восхваляются достоинства местоблюстителей провинциальной власти...

Граф М. Д. Бутурлин в известных своих «Записках» пишет: *«В Английском клубе я познакомился с Н. И. Гречем. Там, за обедом, он был, так сказать, гусями, соловьем: заслушиваемся, бывало его. В одном только отношении разговор его делался приторным, а именно в неразборчивости и утрировке его восхищения всем тем, что говорил и делал государь... Разве только к царскому чиханию не применялось ополешившее восклицание: какой-де государь у нас молодец!»*

Что здесь сказать? Скорее всего следующее: Греч до конца дней своих не изменил своего отношения к Николаю Первому, а вот Бутурлин «писал в стол», его воспоминания о сороковых годах были опубликованы только в самом начале XX века («Русский Архив»). Не буду настаивать в уверении, что «давши слово, крепись», но в честности своих мнений и воззрений Гречу отказать трудно.

И сам император не сомневался в честности писателя, что видно из письма Бенкендорфа к Гречу (его приводит Иванов-Разумник в предисловии к изданию 1930-го года «Записок о моей жизни»): *«Милостивый государь Николай Иванович! Я имел счастье обратить всемилостивейшее внимание его императорского величества на многолетние полезные труды Ваши и благонамеренное направление литературных сочинений, Вами издаваемых, и, вместе с тем, всеподданнейше доводил до высочайшего сведения о постоянном усердии Вашем, готовности к составлению и изданию*

поручаю Вам от меня статей и о той пользе, какую приносят Ваши занятия. Государь император, удостоив с благоволением принять таковое всеподданнейшее мое представление, высочайше повелеть мне соизволил: объявить Вам особенное монаршее удовольствие за полезные Ваши труды. Причем его величество изволит надеяться, что и на предбудущее время Вы, с тем же усердием, будете продолжать занятия Ваши, тесно соединенные и с пользами просвещения, и с намерениями правительства. С особенным удовольствием сообщая Вам, милостивый государь, таковой высочайший отзыв его императорского величества, с совершенным уважением и преданностью имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугой — Граф Бенкендорф» (С. 19—20 указ. кн.).

Письмо это, впервые опубликованное Ивановым-Разумником (см. выше со ссылкой), было с восторгом воспринято советским литературоведением как — якобы — прямое доказательство доносительного по характеру, тесного сотрудничества Греча с III Отделением. Как говорится, не было бы этого письма, его следовало придумать для окончательного приговора. Спешим огорчить: как всякий чиновник на службе, да еще недурственный словесник, досконально знающий литературную среду, он выполнял именно те поручения министерств и департаментов, а III Отделение тот же департамент! которые касались организации литературно-просветительской деятельности в империи. Одним из таких заданий (это неявно отмечено в письме Бенкендорфа), например, было активное участие Греча в составлении нового цензурного устава 1828-го года. Причем тут пресловутая «доносительность»? Никому ведь в голову не придет обвинять автора «Обломова» и «Фрегата «Паллады», который в 1858-м году по службе был назначен главным цензором Российской империи, в этом самом «доносительстве»?

Греч всю свою жизнь служил чиновником, «достигнув степеней известных», что не мешало ему служить и литературе. И если эти две стороны его деятельности пересекались, то явно к пользу дела общественного. ...Слава богу, что в имеющихся источниках даже самые откровенные недоброжелатели Греча не решились обвинить его в том, чего не было: в том же доносительстве, шпионаже за литературными коллегами, подхалимаже и прочих грехах, за которые «бьют шандалами». Был он прямолинейно честен и безотказен, как истинный русский немец.

♦ Злой рок в лице Булгарина во многом, если не в основном, создал Гречу нелицеприятную репутацию. Причем не столько при жизни, сколько в последующей литературной памяти. Истинно говорится: с чертом свяжешься — не отвяжешься. Фаддей Бенедиктович Булгарин (1789—1859), если поискать ему родственного по характеру литературного персонажа, более всего напоминает Остапа Бендера: кипучая натура и делячество не столько ради наживы, денег, но для самого процесса. Греч в своем отдельном очерке-воспоминании «Фаддей Булгарин» — наиболее объективным, отнюдь не в стиле упомянутой басни Крылова, так определил сущность натуры Булгарина: «Я не видел, что в этом скрывалась только исключительная жадность к деньгам, имевшая целью не столько накопление богатства, сколько удовлетворение тщеславию. Фридрих II сказал однажды о поляках: «нет подлости, которой бы не сделал поляк, чтоб добыть сто червонцев, которые он потом выбросит за окно». К тому должно еще прибавить... враждебные свойства его, и хорошие и дурные, с годами крепнут и возрастают. Так было и с Булгариным» (С. 691 указ. кн.).

...Здесь в чем-то шляхетский характер коррелирует с русской присказкой: украсть вагон спирта, продать его, а вырученные деньги пропить. Фееризм жизненного пути Булгарина начался с его службы лейб-уланом в России, как подданного империи, поляка по происхождению — из Царства Польского в составе России. Но в 1807 году Александр I и Наполеон заключили Тильзитский мир, который в русской, затем в советской историографии полагается позорным и не выгодным для России. Однако, отринув эмоции и пр., следует признать, что это был единственный в проявлении

Александра I правильный геополитический шаг: выступить в союзе с Наполеоном против вечных врагов России — Англии и Пруссии. Но он же, «властитель слабый и лукавый», сам все и испортил, не выполнив условия Тильзитского мира, чем и спровоцировал Наполеона на Московский поход... Подумайте сами.

Наполеон и Булгарин. Карикатура Н. А. Степанова (Из собрания Пушкинского Дома)

Константин Павлович и Булгарин. Карикатура Н. А. Степанова (Из собрания Пушкинского Дома)

И вот после замирения Булгарин из русских лейб-уланов переходит в польский легион армии Наполеона, где и служит в 1809—14 гг. (см. иллюстрацию). Заметим — это не являлось предательством, учитывая на момент перехода Булгарина во французскую армию мир между Россией и Францией, а также его польское происхождение; Герцогство Варшавское тогда принадлежало Франции. Но в 1812—14 годах он воевал *против* своего отечества, был взят в плен. Эти годы жизни Булгарина живописно, с умеренной сатирой описаны Гречем в упомянутом очерке «Фаддей Булгарин». Затем начинается второй период пребывания Булгарина в России — уже на всю оставшуюся жизнь. И новые карикатуры на него (см. иллюстрацию). Не будем оста-

навливаясь особо на литературной жизни Булгарина (романы «Иван Выжигин», «Петр Иванович Выжигин», «Памятные записки Чухина», «Воспоминания» и другие — вскорости напрочь забытые); а вот его след в издательской деятельности: «Северный архив», «Сын отечества», «Литературные листки», «Детский собеседник», «Эконом», «Русская талия», «Северная пчела». — Впечатляет? — Конечно, и именно в издательской деятельности состоялось пересечение Греча с Булгариным, его злым гением. В цитированном выше очерке Греч сохраняет объективность: *«При жизни одни его хвалили, другие терпели: третьи ненавидели, многие спорили, бранились с ним... Но по смерти сделался он предметом общей злобы и осмеяния»* (С. 665 указ. кн.).

...Когда читаешь очерк Греча о Булгарине, а параллельно с ним статью А. С. Пушкина «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов»*, тотчас вспоминаешь романы русских писателей XIX века, уже упомянутых выше в этом аспекте Достоевского и Лескова, в которых неперемненными персонажами являются русские поляки, шляхетский гонор которых не претит им ловко вращаться в чиновной, литературной и иной среде в столицах и в провинции, умело устаивая свои гешефты. Это не те польские бунтари, что наряду с русскими каторжанами и кавказскими «кровниками» (вспомните Ибрагима-Оглы из «Угрюм-реки» В. Я. Шишкова), в течении девятнадцатого века составила население Сибири. И не те, которые со звенящим в душе полонезом Огинского покидали Царство Польское, уезжая в европейские страны и Америку. А было то особое «племя» на русской службе, но не считавшее Россию своей родиной. Опять же — см. у Достоевского в особенности.

Итак, послужив у Наполеона до 1812 года в Испании, а затем в корпусе маршала Удино, действовавшего в Литве и Белоруссии, далее отступая с французской армией — переправляясь через Березину, вел (по его словам) лошадь с седоком Наполеоном, — в кампанию 1814-го года был взят в плен пруссаками, передан русским. После окончания войны Александр I объявил безусловную амнистию полякам из армии Наполеона. А Булгарина даже лично принял Константин Павлович (см. иллюстрацию выше) — брат императора и его наместник в Варшаве. Отказавшись от предложенного Великим князем чиновного места в Царстве Польском, Булгарин сделался ходатаям по судебным делам двух польских магнатов и — выиграл почти безнадежное дело! Далее — Петербург и начало литературной деятельности (И Остап Бендер писал «Незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей»).

В столице он мигом оброс кругом полезных знакомцев. Дошла очередь и до Греча — тогда в зените известности и литературного признания. Как пишет сам Греч: *«В начале февраля 1820 года явился у меня в кабинете человек лет тридцати, тучный, широкоплечий, толстоносый губан, порядочно одетый, и заговорил со мною по-французски...»* (С. 684 указ. кн.).

Коль скоро Греч тогда номинировался «отъявленным либералом» (это его слова), то и Булгарин аттестовался таким же. *«В моем доме он узнал Бестужевых, Рылеева, Грибоедова, Батенькова, Тургеневых и пр. — цвет умной молодежи!»* — пишет далее Греч.

Со всеми он мигом наладил добрые отношения, а с Грибоедовым и вовсе подружился. Действовал он по правилу старой присказки: пан или пропал, хотя пан — явный поляк. Испробовав ряд издательских мероприятий, Булгарин сузил цель до использования Греча, уговорив того в 1824 году совместно с ним издавать «Северную Пчелу», которая имела четвертьвековой заметный успех — от похвального до скандального. И получилось, что Греч стал финансово зависимым от Булгарина. Он и говорил, что порвать с ним отношений он не мог, не поставив семейное свое благо-

---

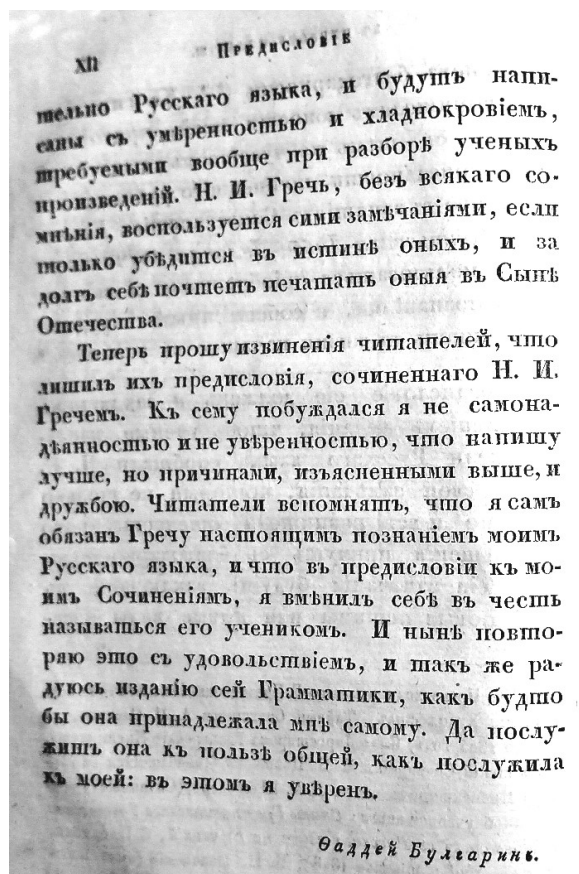
* Пушкин А. С. Избранное / Сост. П. А. Николаева. — М.: Советская Россия, 1980. — С. 304—310 (Серия «Библиотека русской художественной публицистики»).

состояние под угрозой. Греч пишет об этом: «...Когда я, в 1847 году, собираясь долее пожить за границею, хотел передать мои дела в «Пчеле» в собственность моему сыну при моей жизни, Булгарин объявил свое согласие, под тем условием, чтоб я за эту передачу заплатил ему, Булгарину, десять тысяч рублей. Разумеется, что после этого передача не состоялась» (С. 721 указ. кн.).

Вот и весь секрет их тесных взаимоотношений, или как ловкий поляк Булгарин привязал к себе денежной цепью несколько наивного и прямодушного немца Греча! Что же касается «кукушкино-петуховских» взаимных предисловий к книгам визави, то и здесь важно не скатываться к примитивному: ты мне, а я тебе. Прочтите окончание предисловия Булгарина к «Пространной русской грамматике» (см. иллюстрацию): здесь все правда: явившись после своих армейских походов и сутяжничества по искам двух польских помещиков в Петербург, имея целью попрактиковаться на литературном поприще, Булгарин не очень уверенно владел русским языком. Сочинения свои он писал с помощью квалифицированных помощников. А сблизившись с Гречем, консультировался у него. Поэтому и пишет Булгарин, что «Я вменил себе в честь называться его учеником». Что правда, то и есть правда: «Читатели вспомнят, что я сам обязан Гречу настоящим познанием моим русского языка».

А поскольку Греч взялся за грамотность Булгарина, то и счел своим моральным долгом предварять публикации книг Булгарина — ответственность учителя. Междоуметия и сослагательные наклонения здесь излишни.

♦ Греч оказался учителем не только Булгарина в части русской словесности, но, в определенном смысле, и всей страны. В той же литературной и политической газете «Северная Пчела», редактируемой и издаваемой им в партнерстве с Булгариным, Греч преимущественно вел разделы зарубежных новостей и русской грамматики. Учитывая же всероссийскую популярность, влияние газеты, имя Греча тесно связывалось с выработкой нормативности русской грамматики. Это являлось требованием времени. Опять же на рубеже двадцатых-тридцатых годов, редактируя также «Журнал Министерства внутренних дел», а в середине тридцатых годов — журнал «Русский Вестник», Греч и в этих изданиях находил возможным и полезным касаться вопросов упорядочения грамматики русского языка. «Пространная русская грамматика» явилась результатом многолетних трудов Греча. Она же до 60-х годов XIX века являлась практическим руководством по изу-

Окончание предисловия Фаддея Булгарина к книге Н. И. Греча «Пространная русская грамматика»

чению русской грамматики и вообще сыграла значительную роль в развитии научного изучения языка. Из <начала> оглавления этой книги (см. иллюстрацию) видна именно научная постановка изучения предмета. По какой причине Греч не издал второй том своей грамматики, что он обещал «издать в течение нынешнего года» в кратком авторском предисловии «К второму изданию»? — мы ответа на это не нашли ни у самого Греча в его публикациях, ни у наиболее известных литературоведов. Может просмотрели...

О Г Л А В Л Е Н И Е	
ПЕРВАГО ТОМА	
Пространной Русской Грамматики.	
	страни.
ВВЕДЕНИЕ	1
I. О языкѣ вообще	—
II. О происхожденіи и образованіи языка вообще	5
III. О Русскомъ языкѣ	21
IV. О Грамматики вообще	38
V. О Русской Грамматики	42
Часть первая: Этимологія общая.	
Введение	57
Глава первая: О буквахъ	58
A. Общія свойства и главное раздѣленіе буквъ	—
B. Общія замѣчанія	60
B. О гласныхъ букввахъ	61
Г. О полугласныхъ букввахъ	—
Д. О двугласныхъ букввахъ	62
E. О согласныхъ букввахъ	64
Ж. О сложныхъ согласныхъ	67
З. Общее заключеніе	78
Глава вторая: О слогахъ	80
A. Сочетаемость буквъ	81
B. Измѣняемость буквъ	84
а. Измѣняемость буквъ гласныхъ и полугласныхъ	85
б. Измѣняемость буквъ согласныхъ	87
Глава третья: О словахъ	90
A. О происхожденіи словъ и о различныхъ родахъ оныхъ	92
B. Приложеніе къ Русскому языку	96
Часть вторая: Этимологія частная.	
Введение	102
A. Предварительное раздѣленіе и объясненіе понятий	103
B. Слѣдствія, выводимыя изъ предидущаго	105
Глава первая: Объ Имени Существительномъ	108
A. Свойство и раздѣленіе	—
I. Родъ	112

Начало оглавления к книге Н. И. Греча «Пространная русская грамматика»

И снова Гречу не совсем повезло в его филологических трудах: при всем теоретико-лингвистическом и практическом признании и пользовании грамматикой Греча, начиная с середины XIX века, отзывы известных в то время филологических авторитетов (Востоков, Сухомлинов и др.; публиковались в «Истории российской Академии») на этот труд все более становились отрицательными. Что ж, любая наука не догма и всегда имеет стимул к дальнейшему развитию. Это диалектика познания.

Тем более, что все эти отзывы никак не препятствовали известности «Пространной русской грамматики» и ее практической применимости. Более того, в начале 30-х годов переработанная Гречем в краткий учебник грамматики, книга и стала базовым учебником для различных типов учебных заведений. Именно этот учебник, изданный массовым тиражом, на много лет обеспечил и безбедное существование Греча с семьей. Оба романа его, «Поездка в Германию» и «Черная женщина», в котором использован литературный прием смещения временных плоскостей, при выходе имели успех «занимательного чтения», а это есть гарантия скорого забвения. Все же и по преимуществу Греч являлся литературным публицистом и филологом, редактором и издателем, чего не скажешь утвердительно о беллетристической стороне его многоплановой деятельности.

◆ Николай Греч так вспоминает о своих взаимоотношениях с Пушкиным (в очерке «Фаддей Булгарин»): *«Мы раз как-то встретились в книжном магазине Белизара (ныне Дюфура). Он поклонился мне неловко и принужденно, я подошел к нему и сказал, улыбаясь: «Ну, на что это походит, что мы дуемся друг на друга? Точно Борька Федоров с Орестом Сомовым». Он расхохотался и сказал: «Очень хорошо!» (любимая его поговорка, когда он был доволен чем-нибудь). Мы подали друг другу руку, и мир был восстановлен. В конце 1831 года, вознамерившись издавать «Современник», он приезжал ко мне и предлагал мне участие в новом журнале. Я отвечал, что принял бы его предложение с величайшим удовольствием, так не знаю, как освободиться от моего польского пса. Пушкин сам сознался, что это невозможно, и прибавил, смеючись: «Да нельзя ли как-нибудь убить его?» (С. 703 указ. кн.).*

В том же году (1831) Пушкин печатает в журнале «Телескоп» указанную выше статью «Торжество дружбы...», начиная ее словами (прямо как Крылов в «Кукушке и Петухе»): *«Посреди полемики, раздирающей бедную нашу словесность, Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин более десяти лет подают утешительный пример согласия, основанного на взаимном уважении, сродстве душ и занятий гражданских и литературных. Сей назидательный союз ознаменован почтенными памятниками. Фаддей Венедиктович скромно признал себя учеником Николая Ивановича; Н. И. поспешно провозгласил Фаддея Венедиктовича ловким своим товарищем (выд. А. С. Пушкиным.— А.Я.). Ф. В. посвятил Николаю Ивановичу своего «Димитрия Самозванца»; Н. И. посвятил Фаддею Венедиктовичу свою «Поездку в Германию». Ф. В. написал для «Грамматики» Николая Ивановича хвалебное предисловие; Н. И. в «Северной пчеле» (издаваемой гг. Гречем и Булгариным) напечатал хвалебное объявление об «Иване Выжигине»... (С. 304. указ. кн.).*

Из сопоставления сказанного Гречем и Пушкиным следует, что личной вражды между ними не было, только небольшие размолвки, которые неизбежны в творческой среде. А вежливое приглашение Гречу стать участником планируемого Пушкиным «Современника» (за пять лет до начала его издания) свидетельствует о понимании им как творческих достоинств Греча, так — и особенно? — роли его в общероссийском литературном движении. Иначе говоря, Пушкин, уже с позиции руководителя «Современника», четко осознавал: участие Греча будет способствовать широкому признанию нового издания, и будет странным, если журнал будет выходить без его участия. Но это было именно *вежливым* приглашением, поскольку Греч был связан соредакторством с Булгариным в издании «Северной пчелы». О чем Александр Сергеевич «сам сознался, что это невозможно».

В то же время Пушкин пишет достаточно язвительно о дуумвирате Греча и Булгарина. Однако, если подумать хорошо, особенно в контексте сказанного выше о специфике литературной жизни того времени, то слова Пушкина вовсе не так и обидны в отношении Греча, зависимость которого о Булгарина Александр Сергеевич понимал: «сам сознался...» и «ловким своим товарищем».

И главный вывод из приведенного сравнения таков: исторически закрепившийся упрек Гречу, что-де скоренько из «отъявленных либералов» (это его же слова) перескочил в верноподданные, несостоятелен. Как не имеет оснований и (возможный) упрек Пушкину. У обоих либерализм был «детской болезнью», неизбежный для литературной юности и молодости преходящий и закономерный этап. А о подлинном содержании «верноподданничества» Греча достаточно было сказано выше.

♦ Роль Греча в формировании всероссийского литературно-общественного процесса несомненна, существенна и отличительна. Именно последняя характеристика не нашла вовсе отражения в историческом литературоведении. Вместо этого Греч заслужил только нелюбезные отзывы в последующие полтора десятилетия с лишком лет. Тот же, упомянутый выше, Иванов-Разумник пишет: «...Вот в какое болото понемногу скатился Греч после своего душевного надлома в 1820 году и после начала своего знакомства с Булгариным. Раболенство перед правительством с одной стороны, литературное торгашество с другой — вот к чему пришел былой «отъявленный либерал» александровских времен. Скажи мне с кем ты знаком, и я скажу тебе, кто ты — говорит известная поговорка. Ее можно видоизменить и так: скажи мне, кто твой герой, и я скажу тебе, кто ты. Греч был «знаком» с Булгариным, а его «героем» был — Николай I. Этого более чем достаточно для полной его характеристики» (С. 24 указ. кн.).

Что здесь скажешь? Автора этого «приговора», обязанного подчиняться (1930 год на дворе) выводам комиссии Луначарского-Крупской, определившей на семьдесят лет «круг чтения» советских людей и изъявших из этого «круга» десятки, сотни имен представителей русской словесности XIX — первой четверти XX вв., в том числе имя Николая Ивановича Греча, опровергать не следует. Кто музыку заказывает, тот девушку и танцует — ответим с допустимым легкомыслием. Но сейчас вроде как к литературе, особенно с полутора-двухсотлетней историей, никому никакого дела нет. Тем более, что некогда мощный и общественно-влиятельный класс литературоведов если в мизере-мизерерос и сохранился, то всего лишь в наивном воображении и памяти людей старшего поколения.

Литературное движение формируется, поддерживается при одновременном наличии базиса — активно работающих талантливых, творчески одаренных писателей и организаторов этого процесса: публицистов, литературоведов, журналистов, издателей, в особенности периодики. Базис и организация, что особенно характерным являлось для русской литературы первой половины девятнадцатого века, могут пересекаться как в индивидуальностях, так и в творческих объединениях.

Ярким примером последнего являлся «Арзамас». Николай Греч как раз и относился к числу «пересекающихся», но с преобладающим тяготением к организационной стороне процесса; в поле жнец и на дуде игрец — это большая редкость в сфере словесности; просто степень такой «асимметрии» может быть различной. Опять же Достоевский и Лесков (надеемся, что не утомили читателя однообразием примеров и имен в них...), хотя бы уже во второй половине XIX века, типичные примеры преобладающего литературного, беллетристического таланта, но, хотя и в несколько меньшем ареале, в то же время и заметные организаторы: «Дневник писателя» — публицистический альманах Достоевского, он же (вместе с братом М. М. Достоевским) издатель журналов «Время» и «Эпоха»; многочисленные статьи и очерки Н. С. Лескова в ведущих российских газетах и журналах — непременно на злобу дня, актуальные, сугубо объективные и принципиальные.

Еще один существенный момент. Как сугубо художественные произведения в последующем могут трактоваться неоднозначно, так — и особенно! — деятельность организаторов литературного процесса со стороны ушедшего вперед времени, особенно при меняющихся общественно-социальных установках и ориентирах, с легко-

стью может быть отнесена к негативной. Оно и понятно: будущее всегда «глядит» на прошлое укрупнено или, как принято в психологии, *с акцентом сдвига мотива на цель*. Вот в такую ситуацию и попал Греч: что называется, раз и навсегда «без суда и следствия». Ведь чтобы уяснить роль его в создании такого общественного явления как всероссийский литературный процесс — в формировании, движении и развитии вширь и вглубь,— следует ни много, ни мало, но поставить себя... на место Греча в 1820—1840 годах. Это не примитивный эвфемизм, а всего лишь призыв к объективности. Как раз примитивно разделение — в историческом плане — литературы на либеральную и консервативную. Тем более в начальный период ее социумного признания. Иначе будет как в реформации русской истории в 1920-х годах профессором Покровским, что-де разбойник Стенька Разин и самозванец Емельян Пугачев были провозвестниками Октябрьской революции. Опять же с какой стороны смотреть: ликвидации института частной собственности или стихийного социального взрыва «сарынь на кичку!»

...Подведем итог наших «рефлексий». В памяти историко-литературной сама фигура Греча и его роли в этой истории однозначно отложились как негативные. Хотя единственный, неотрицаемый с позиций традиционной морали (сейчас она иная), «недостаток» Николая Греча — это его чисто немецкое равнодушие к деньгам. И если современники называли это жадностью, то только сравнивая с несравнимым: с русской широтой души, для которой деньги есть дело второстепенное (по Достоевскому).

Именно разносторонняя деятельность Греча — а за двумя зайцами не угонишься! — создала эффект распыленности его творчества: плодотворность по многим путям, увы, редко остается в исторической памяти.

